

В боковом зале внутренних покоев Резиденции регента клубился и растекался тёплый аромат сандала.

На мягкой кушетке из сычуаньского парчи полулежал Чжань Сюйтань в слегка распахнутом черно-красном халате, обнажая крепкую грудь. Тёплый свет свечей падал на его гладко выбритый подбородок с чуть колющей щетиной, сгоняя с лица суровую строгость и властность, подходящие при дворе; в этой интимной обстановке оставались лишь свойственные зрелому политику давящая аура и дерзкая развязность.

Хэ Чанвэй был облачен в простое зеленое одеяние, его длинные волосы полувлажными прядями рассыпались по плечам. Он рассчитывал, что этой ночью их ждёт лишь обычное «секретное обсуждение государственных дел», однако Чжань Сюйтань неожиданно перенес место переговоров прямо на ложе во внутренних покоях.

— Ван, детали нового закона двора ваш покорный слуга уже выверил. Если больше нет срочных дел, то я посмею откланяться.

Лицо Хэ Чанвэя было холодным и отрешенным, тонкие губы крепко сжаты, и он уже собирался подняться с ложа.

Изначально речь шла лишь о деталях налоговых ставок, но в какой-то момент всё превратилось в еще одно противостояние между ними без единого выстрела.

Уголки губ Чжань Сюитаня изогнулись в игривой усмешке, его длинная рука протянулась, и широкая ладонь, словно железные тиски, точно перехватила нежное запястье Хэ Чанвэя.

— Куда спешить, господин Хэ? — Чжань Сюйтань приложил усилие и рывком притянул его к себе в объятия.

Потеряв равновесие, Хэ Чанвэй с испуганным вскриком рухнул на мягкие подушки из сычуаньской парчи. Чжань Сюйтань тут же навис над ним, его высокое тело приблизилось, источая густой, зрелый мужской аромат, а колючая щетина случайно задела порозовевшую мочку уха и ямочку на шее Хэ Чанвэя, вызвав невольную дрожь.

Уши Хэ Чанвэя горели огнем, правая рука была намертво прижата противником к парчовой подстилке, а левая упиралась в широкую грудь Чжань Сюитаня в отчаянной попытке оттолкнуть его, в то время как его утонченное лицо залил стыдливый и гневный румянец.

— Чжань Сюйтань! Ты распустился! Немедленно отпусти! — сквозь зубы процедил Хэ Чанвэй, судорожно пытаясь выдернуть запястье.

Чжань Сюйтань не только не отпустил его, но и просунул пальцы между пальцев Хэ Чанвэя, переплетая их. Широкая и теплая ладонь с грубоватыми мозолями полностью накрыла эту

белоснежную и мягкую руку, с озорством легко поглаживая то место, где бился пульс.

Пульс Хэ Чанвэя бешено колотился, глаза широко раскрылись, грудь тяжело вздымалась. Он изо всех сил старался вырваться, но его запястье не могло сдвинуть противника ни на йоту.

Чжань Сюйтань с улыбкой смотрел сверху вниз на этого вечно надменного и холодного чиновника. В его глазах читались насмешка и нежность, а низкий голос звучал чарующе:

— Господин Хэ только что громко заявлял, что выступает против моего предложения, но ваша рука, господин, находится в моей руке уже столько времени, и вам так и не удалось ее вытащить.

Хэ Чанвэй дрожал от гнева всем телом, его губы слегка подрагивали:

— Ваш покорный слуга все это время пытался выдернуть руку! Это ван применил грубую силу и взял меня силой!

Улыбка в уголках губ Чжань Сюитаня стала еще шире, и колючая щетина вновь с лукавством потерлась о пылающую щеку Хэ Чанвэя:

— Согласно установленному мной сегодня при дворе правилу, если человеку была дана возможность вырваться, но он не смог высвободиться, это считается молчаливым согласием. Господин на словах шумит, что против, но рука-то ваша по-прежнему остается в моей ладони. Раз господин не возражает, я считаю, что вы согласны.

Та самая логика обсуждения дел «нет возражений — значит, есть молчаливое согласие», принятая при дворе, сейчас была искусно применена Чжань Сюитанем к их собственному интимному поединку.

Хэ Чанвэй внезапно замер.

Впервые он отчетливо понял, что по-настоящему пугающим в Чжань Сюитане была вовсе не его власть, а способность этого человека сплести великие государственные дела с личными чувствами и привязанностями, используя одну и ту же абсурдную, но неоспоримую логику, которая заставляла всех принимать неизбежность собственного выбора.

Весь запас конфуцианских трактатов и сводов законов, переполнявший ум Хэ Чанвэя, в этот момент оказался неспособен подарить ему хотя бы одно возражение. Глаза слегка увлажнились, он прикусил нижнюю губу, глядя на лицо Чжань Сюитаня, находившееся совсем близко, и не мог вымолвить ни слова.

Теплая ладонь по-прежнему сжимала его руку, и впервые он не спешил выдернуть ее обратно. В долгом ночном мраке они оба шагнули в этот поединок, принадлежащий только им двоим.

<http://bllate.org/book/20997/2134890>